

Сознание возвращалось медленно, сквозь мутную пелену.

Дуаньцзы открыл глаза. Резкая, пульсирующая боль в челюсти вырвала из его груди глухой стон. Он обнаружил, что уже лежит на заднем сиденье автомобиля — его сюда кто-то перетащил. Во всём теле разлилась свинцовая слабость. С трудом подняв руку, он ощупал подбородок, и глаза его испуганно расширились.

Полжизни он ходил по лезвию бритвы. Столько лет бок о бок с Цинь Цинь — каких только грязных дел они не проворачивали. Благодаря отличной подготовке и пудовым кулакам Дуаньцзы привык, что в любой заварухе зубы пересчитывают его противникам, а не ему. Даже если случалось поймать пулю или нож, он никогда не попадал в столь подлую ловушку. И где? В каком-то захолустье! Его вырубili в один миг. Да если бы ему не просто свернули челюсть, а перерезали горло, он бы даже не заметил.

Цинь Цинь посмотрела на него сурово, её взгляд так и метал молнии:

— Что произошло?

Дуаньцзы приоткрыл рот, собираясь ответить, но обнаружил, что не может вымолвить ни слова. В горле словно застрял ком, и из его груди вырвалось лишь невнятное мычание.

От этого звука переменялось лицо не только у стоявших рядом подручных, но и у самой Цинь Цинь.

Такого исхода не ожидал никто.

Ливень хлестал с такой силой, что смыл все возможные улики. На размякшей земле не осталось ни отпечатков пальцев, ни даже следов ног.

Они понимали: нападавший действовал наверняка. Он явно знал местность, заранее разведал все тропы в этих горах и подготовил пути отступления. К делу подошли с умом и хладнокровием.

Удар нанесли сзади. Дуаньцзы даже не успел разглядеть нападавшего, почуяв лишь стальную хватку — судя по силе, это был мужчина.

Дело произошло в глухом лесу, где не то что камер — живой души в помине не было. Да если бы и висели где регистраторы, в такую стену дождя они всё равно ничего бы не зафиксировали. Расследование зашло в тупик, не успев начаться.

За долгие годы они нажили немало врагов. Но все их люди всегда оберегали Цинь Цинь, никому и в голову не могло прийти, что удар нанесут по самому сильному звену — Дуаньцзы, причём так подло, со спины. Список тех, кому он успел насолить, был бесконечен. Начни

проверять каждого — и жизни не хватит, чтобы докопаться до истины.

Цинь Цинь уже и забыла, когда в последний раз терпела столь унижительное поражение.

Она сидела на диване, хмуро крутя на пальце кольцо. В её глазах затаилась зловещая тень.

На столике рядом лежал результат экспертизы жидкости, которую залили в горло Дуаньцзы. Состав этого зелья был ей знаком до боли.

В полицию обращаться нельзя.

За Дуаньцзы тянулся такой кровавый шлейф, что любое внимание законников могло обернуться катастрофой для них всех.

У Дуаньцзы начался жар. Тело его горело как в огне. Он прошёл с Цинь Цинь через огонь и воду; многие из её свиты гибли или уходили, но он оставался рядом до конца. Шрам на его лице — и тот остался после того, как он заслонил её от удара. Сейчас сердце Цинь Цинь душила ярость. Если она найдёт того, кто это сделал, то заставит его молить о смерти.

Раздался негромкий стук в дверь.

В комнату, слегка поклонившись, вошёл высокий молодой мужчина:

— Госпожа Цинь, прибыла старшая барышня.

Это был Инди — молодой подручный, которого Дуаньцзы воспитывал себе на смену на случай непредвиденных обстоятельств. Люди их круга, ходившие по краю пропасти, всегда должны были держать при себе верных ищек.

Дуаньцзы натаскивал его несколько лет. Парень был ещё молод, но в его глазах уже сквозила та же ледяная угроза, что и у наставника. Среди подчинённых он пользовался авторитетом, за глаза его уважительно звали «брат Ин».

Цинь Хайяо сегодня была во всём чёрном. Тёмные волосы, собранные в хвост, выгодно оттеняли её фарфоровую кожу, а высокие каблуки придавали её фигуре особую грацию и властность. Она вошла, бросила холодный взгляд на Цинь Цинь и ровно произнесла:

— Разве ты не говорила, чтобы я не беспокоила тебя без крайней необходимости?

Цинь Цинь сама когда-то установила это правило, и сейчас, услышав его из уст собственной дочери, ощутила болезненный укол.

В такой день мать и дочь не должны быть так чужды друг другу. Если бы её муж был жив, они сейчас сидели бы за одним столом, ужинали и шутили.

Цинь Цинь попыталась взять себя в руки, но подозрения и клокочущая в груди ярость не давали ей покоя.

— Твоего дядю Дуаня подставили. Ты знаешь об этом?

Цинь Хайяо безучастно кивнула:

— Сяо Янь рассказала мне по дороге.

Её тон был настолько равнодушным, словно речь шла о чём-то обыденном.

Стоявший подле Цинь Цинь Инди недовольно нахмурился.

«Он же преданный слуга семьи, неужели она настолько бездушна?» — подумал он.

Хайяо прошла к дивану напротив матери, изящно опустилась на него, закинув ногу на ногу, и холодно бросила:

— Ранили — вылечите. Умрёт — найдёте другого.

Разве не этому её всегда учила мать? Они обе — лишь орудия мести, исход для которых предreshён. Вопрос лишь во времени.

Окружающие покорно опустили головы. Цинь Цинь долго всматривалась в лицо дочери, а затем медленно произнесла:

— Ему сломали челюсть и залили в глотку какую-то дрянь. У него начался сильный жар.

— Жар? — Хайяо горько усмехнулась. — Что ж, пусть лечится. С этим шутить нельзя. Помнится, Момо в детстве точно так же сгорела, что аж голос потеряла.

Цинь Цинь в упор посмотрела на неё:

— У него повреждены голосовые связки. Он больше никогда не сможет говорить.

Хайяо вскинула глаза, встречаясь с матерью взглядом:

— Вот как? Совсем не может говорить? Прямо как Момо?

Эти слова прозвучали как подтверждение затаённых догадок. Взгляд Цинь Цинь мгновенно ожесточился:

— Так это твоих рук дело?

Хайяо лишь холодно рассмеялась:

— Мама, зачем ты меня позвала? Чтобы обвинить? Зачем мне это делать? Ради мести? С чего бы вдруг? Моя младшая сестра онемела из-за высокой температуры — ты сама лично сказала мне это в больнице в прошлом году.

Её слова заставили Цинь Цинь замолчать. Хайяо смотрела на неё с неприкрытой ненавистью в глазах:

— Или... её тоже кто-то подставил?

Острые, жалящие вопросы били без промаха.

Цинь Цинь смотрела на дочь и впервые ловила себя на мысли, что та стала ей абсолютно чужой.

Молчавшая до этого Сяо Янь тихо подала голос, пытаясь защитить Хайяо:

— Старшая барышня всё время была дома. Она сейчас занята подготовкой к операции младшей сестры.

Цинь Цинь и сама понимала: у Хайяо не было ни времени, ни возможностей. Сейчас у дочери не было реальной власти, чтобы провернуть такое прямо под её носом.

Но её ледяное спокойствие пугало. В её словах сквозило знание о том, что они когда-то сотворили с Цинь Момо.

Для Цинь Цинь, обезумевшей от жажды мести, человеческая жизнь давно ничего не стоила. Она могла пожертвовать кем угодно — даже собственной дочерью, не говоря уже о чужих.

— На этом всё. Мне нужно вернуться к сестре, — Хайяо поднялась, собираясь уйти.

Цинь Цинь проводила её мрачным взглядом. Сяо Хай становилась всё более неуправляемой.

Инди, верный пёс Дуаньцзы, признавал только одну хозяйку — Цинь Цинь. Видя, что Хайяо уходит без разрешения, он сделал шаг вперёд, преграждая ей путь.

Хайяо сегодня была на шпильках. Инди рассчитывал просто преградить ей дорогу, но она словно предугадала его движение. Резко развернувшись, она нанесла точный и хлёсткий удар каблуком ему в бедро.

— Гхм! — вырвался у Инди глухой стон.

Десятисантиметровый острый каблук вонзился в плоть с такой силой, что парню показалось, будто ему раздробили кость. Стиснув зубы от резкой боли, он попытался уклониться от второго удара, но потерял равновесие и тяжело рухнул на пол.

Хайяо сделала шаг вперёд и без тени жалости наступила шпилькой прямо ему на пах.

— Сяо Хай! — Цинь Цинь резко поднялась с кресла. — Довольно!

Хайяо сверху вниз посмотрела на скорчившегося парня. На лбу Инди выступил холодный пот. Она холодно улыбнулась, слегка надавив каблуком:

— Даже если ты цепной пёс, нужно знать, на кого лаять, а кого обходить стороной.

Сяо Янь застыла в оцепенении, не веря собственным глазам. Наконец, придя в себя, она бросилась помогать Инди подняться. Лицо парня было мертвенно-бледным. Он понимал: не отступи он сейчас под её взглядом, она бы раздавила его без колебаний.

— Сяо Янь, — негромко позвала Хайяо, глядя на шумящий за окном дождь.

Девушка вздрогнула и машинально отозвалась:

— Да!

Лишь затем она испуганно покосилась на Цинь Цинь. Но та продолжала молча сидеть в своём кожаном кресле, никак не реагируя на происходящее.

— На улице дождь. Отвези меня домой.

Это был приказ, не терпящий возражений.

Хайяо смотрела в окно. У бабушки из-за сырости, должно быть, опять разболелись суставы.

Сяо Янь умоляюще посмотрела на Цинь Цинь. Та лишь едва заметно кивнула и махнула рукой, отпуская их.

Инди уводили под руки. Хайяо ударила так, что повредила ему мягкие ткани — ещё немного, и был бы перелом.

Цинь Цинь посмотрела на побитого, удручённого преемника Дуаньцзы и сухо обронила:

— Она пожалела тебя. Иначе ты бы ушёл отсюда калекой.

Её злило поведение дочери, но в глубине души затеплилась странная, извращённая гордость.

Это её дочь. Её и Хайкуня.

Она умна, расчётлива, а её жестокость порой граничит с безумием.

Хайяо родилась вне брака, её оторвали от матери ещё младенцем и отдали в чужую семью. С ранних лет её готовили к одной цели, подвергая изнурительным тренировкам.

Цинь Цинь когда-то готовилась к худшему исходу: если всё пойдёт прахом, она заставит дочь лишиться жизни Жуань Ихань, чтобы заставить старую госпожу Жуань выть от горя. Она хотела, чтобы эта старуха на своей шкуре испытала, каково это — потерять самого близкого человека, каково это — медленно сходить с ума от одиночества и бессилия.

В прошлой жизни шуточные спарринги Хайяо с Ихань были лишь любовной игрой, способом разжечь страсть. Ихань занималась единоборствами скорее для самообороны и развлечения, будучи изнеженной богатой наследницей. У Хайяо же всё было иначе.

Когда она была маленькой, Цинь Цинь изредка навещала её, и каждый визит превращался в суровую проверку.

Тогда все ноги девочки были покрыты синяками и ссадинами. Хуан Лань тайком утирала слёзы, но Цинь Цинь лишь сухо осматривала раны, бросала на стол мазь и требовала показать результаты.

Если девочка справлялась, мать могла снисходительно погладить её по голове.

Если нет...

Её ждали лишь бесконечные изнурительные тренировки и ледяные, ранящие душу упрёки.

Маленькая Хайяо со слезами на глазах хватала маму за колени, умоляя о пощаде, но та безжалостно отталкивала её.

«Даже с такой мелочью справиться не можешь?»

«И как ты собираешься мстить за отца?»

«Ничтожество».

«Если на следующий раз будет так же, я отдам тебя в другую семью».

...

Хайяо казалось, что её жизнь — это сплошной трагифарс. Она была не более чем послушной куклой для мести. Несчастной с самого рождения.

При желании она могла бы уложить Жуань Ихань одним ударом.

Всю дорогу домой Хайяо дремала, прикрыв глаза.

За последнее время они с Сяо Янь виделись нечасто, но с каждой встречей на лице Хайяо проступало всё больше смертельной усталости.

У каждого человека есть своя аура. У молодых людей до тридцати лет она должна быть лёгкой, устремлённой вверх. Но Сяо Янь казалось, что её некогда близкая подруга увядает, подобно сломанной розе, осыпая лепестки в осеннюю грязь.

— Сяо Янь, — внезапно позвала Хайяо, не открывая глаз.

Сяо Янь вздрогнула от неожиданности, чуть не упустив руль:

— Да... Что такое?

После того как она увидела, как Хайяо разделалась с Инди, в её душе поселился подсознательный страх перед ней.

Хайяо повернула голову к окну, за которым бесконечной серой стеной лил дождь, и тихо спросила:

— Какой у тебя отец?

«Отец?»

Родители — это то самое сокровенное место в душе каждого, где всегда тепло.

Сяо Янь не знала, к чему этот вопрос, но её лицо невольно потеплело, а голос смягчился:

— Да обычный ворчливый старик. Вечно спорит с мамой по всяким пустякам, но меня боится как огня, — в её голосе проскользнули детские нотки. — Сам никогда ласкового слова не скажет, но всегда тихонько заботится. На днях вот звонил, спрашивал, когда приеду. Я шутя спросила, неужели соскучился, а он засмутился и сразу маме трубку всучил. Мама потом смеялась: говорит, соскучился так, что чуть не плачет.

Хайяо слушала её, и на её губах появилась едва заметная, грустная улыбка.

— Он вечно забывает про собственный день рождения, но наш с мамой помнит всегда. Работает не покладая рук, устаёт безумно, но домой всегда приходит с улыбкой...

Стоило заговорить об отце, как Сяо Янь уже не могла остановиться.

Оказывается, отцовская любовь бывает такой.

Хайяо слушала эти простые слова, ощущая, как внутри разливается чужое тепло. Сяо Янь, заметив выражение её глаз, вдруг осеклась.

Сегодня ведь годовщина смерти её отца.

Хайяо никогда не видела его. Но разве есть ребёнок, который бы не мечтал об отцовской ласке?

Семья Сяо Янь жила небогато, но любви в ней хватало с избытком. По сравнению с Хайяо она чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Что толку в несметных богатствах? Какая польза от знатного происхождения, если твоя жизнь — непрекращающийся кошмар?

Когда они подъехали к дому, Сяо Янь нерешительно произнесла:

— Сяо Хай, если ты продолжишь в том же духе, госпожа Цинь этого так не оставит. Она будет в ярости.

Все знали, чем грозит гнев Цинь Цинь.

Хайяо спокойно посмотрела на неё:

— Я и так в аду. Стоит ли мне бояться пламени?

Сяо Янь замолчала, не находя слов.

В этот сырой, тоскливый день Хайяо душила невыносимая боль, для которой не было выхода.

И в этот момент ей больше всего на свете хотелось увидеть только одного человека — Жуань Ихань.

Просто взглянуть на неё.

Пусть та будет язвить, презирать или осыпать проклятиями — Хайяо просто хотела увидеть её чистые глаза и искреннюю улыбку.

Рана на руке Ихань уже затянулась, она больше не нуждалась в её заботе.

Ихань ясно дала понять: Хайяо не годится ей даже в игрушки.

Под каким же предлогом ей прийти?

Она помогла устроить операцию её сестре... Да, это отличный повод. Из вежливости она должна выразить благодарность.

Дождь наконец начал стихать.

Жуань Ихань сидела дома, развлекая бабушку, когда раздался телефонный звонок. Выслушав собеседника, она подпрыгнула на месте и, даже не накинув куртку, бросилась к выходу.

Бабушка Жуань закричала ей вслед:

— Куда ты так несёшься, А-Хань? Что стряслось?

Она уже давно не видела внучку такой счастливой.

Ихань обернулась у самой двери, сияя от радости:

— Жди меня, бабушка! Скоро вернусь, и мы устроим ужин с хого!

У подъезда уже стоял ярко-красный джип. Дверь была приоткрыта, и прямо в сырую морось небрежно высовывались длинные, безупречно стройные ноги. Из салона доносилась ритмичная, оглушительная музыка.

Кожа на этих ногах была белой, как изысканный фарфор, а тонкую щиколотку украшала изящная красная нить — невероятно чувственная деталь. В такую погоду все спешили укрыться от дождя, но эта особа умудрялась наслаждаться моментом, вальяжно развалившись на сиденье.

— Юэюэ! — восторженно крикнула Ихань.

Музыка в машине тут же стихла. Из салона вышла Цзян Циньюэ в развевающемся розовом платье. На голове у неё красовалась лихо заломленная шляпка. От всего её облика веяло тем самым вызывающим шиком в стиле «вам, приземлённым, не понять высокое искусство». Она сердито прищурилась:

— Жуань Ихань, я же предупреждала: ещё раз меня так назовёшь — придушу!

— Хорошо, Юэюэ, — Ихань рассмеялась. Её радость была искренней и тёплой. — Пойдём, бабушка ждёт нас дома. Устроим пир с хого.

Она даже не спросила, зачем та приехала. Сам факт её присутствия делал Ихань счастливой.

«Хого? Надо же, помнит, что я люблю. Значит, совесть у этой заразы ещё осталась», — подумала Цзян Циньюэ.

Она грациозно вскинула бровь и достала с заднего сиденья объёмистый пакет.

Ихань полюбопытствовала:

— Это мне? Что там?

Циньюэ ожгла её взглядом своих лисьих глаз:

— Раскатала губу.

Перешучиваясь на ходу, они вошли в квартиру. Бабушка Жуань, дремавшая на диване, при виде гостыи мгновенно оживилась:

— Циньюэ! Девочка моя пришла! Ну иди же скорее сюда. Что же ты так долго бабушку не навещала?

В детстве Ихань и Циньюэ были не разлей вода. Характер у Циньюэ был непростой, она вечно со всеми вздорилась. Ихань тоже спуску не давала. Бабушка часто вспоминала, как возвращалась домой и заставляла плачущую внучку, которая с воплями «Спасите!» пыталась удрать, пока маленькая Циньюэ с весёлым гиканьем тыкала ей в спину игрушечной волшебной палочкой, приговаривая: «Абракадабра, превратись в собаку! Превратись в осла!»

Бабушка лишь беззлобно посмеивалась. Позже, когда девочки подросли, эти детские забавы сошли на нет.

Ихань как-то жаловалась, что Циньюэ выросла нелюдимою и колючей — вечно сидит в углу со своим мольбертом и ни с кем не общается.

Но бабушка, как-то придя на родительское собрание, заметила, как нежно и тепло Циньюэ смотрела на её внучку. Из-за детских обид Ихань, верно, просто дичилась подружки, и бабушка не стала вмешиваться.

А потом семья Цзян разорилась. Ихань тогда тайком от бабушки пыталась помочь её отцу, дяде Цзяну, с какими-то проектами. Бабушка знала об этом, но закрывала глаза. Однако позже А-Ли рассказала, что гордая Циньюэ, узнав об этом, наотрез отказалась от помощи и вернула все деньги.

Она осталась прежней — гордой и независимой, несмотря ни на какие удары судьбы. Не нуждающейся в жалости.

После того случая Ихань больше не искала встреч с подружкой.

Зато бабушка на прошлый день рождения внучки краем глаза заметила у клумбы во дворе знакомый силуэт. Зрение у неё было уже не то, и пока она протирала очки, гостья исчезла. Бабушка тогда решила не волновать Ихань — мало ли, вдруг померещилось.

Несмотря на свой взрывной темперамент, с пожилыми людьми Циньюэ всегда была предельно вежливой. Она с улыбкой протянула пакет:

— Бабушка, это ваши любимые ананасовые пирожные.

Ихань тут же подозрительно прищурилась.

Циньюэ заговорщически прошептала старушке на ухо:

— Они без сахара.

А когда Ихань отвернулась, чтобы распорядиться насчёт стола, добавила:

— Пошутила я. Там куча сахара, но вы ешьте понемножку.

Старая госпожа Жуань довольно заулыбалась, её глаза превратились в щёлочки.

«Только Циньюэ знает, чем меня порадовать», — подумала она.

Дождливый день — идеальное время для хого.

Ихань суетилась у стола, подкладывая бабушке овощи. Старушка, хоть и сохранила отличные зубы, капризничала как ребёнок: требовала только мясо и наотрез отказывалась от зелени.

Вскоре у них разгорелась нешуточная баталия.

— Да не буду я это есть! Я тебе что, кролик? — возмущалась бабушка. — Я пожилой человек, мне нужны калории и белок!

Ихань терпеливо увещевала её:

— Куда уж калорийнее? У тебя уже все морщинки разгладились, выглядишь как тридцатилетняя девчонка.

Цзян Циньюэ сидела рядом, уплетая картошку фри и запивая колой. Она весело хохотала, даже не думая их мирить. В гостях она всегда чувствовала себя как дома — легко и непринуждённо.

В середине обеда Ихань всё же отправила уставшую бабушку отдыхать. Пожилой женщине тяжело давались долгие посиделки. Она сонно зевала, но уходить ей явно не хотелось:

— Циньюэ, деточка, навещай меня почаще. Поболтайте ещё.

Циньюэ тепло улыбнулась своими лисьими глазами:

— Обязательно, бабушка. Главное, чтобы я вам не надоела.

Ихань, тянувшаяся за кусочком мяса, на мгновение замерла и пристально посмотрела на подругу.

Циньюэ ответила ей тем же открытым взглядом. В мягком свете хрустальной люстры её кожа казалась почти прозрачной. Она спросила:

— Ну что, госпожа президент, какую зарплату вы положите своей новой очаровательной

секретарше?

Ихань залюбовалась тем, как подрагивают её длинные ресницы, и с улыбкой ответила:

— Сколько попросишь, столько и выдам.

— Ты действительно пришла ко мне? — Ихань не сводила с неё глаз.

Циньюэ отправила в рот крабовую палочку:

— Слушай, А-Хань... Став большим боссом, ты как-то изменилась. Не замечаешь?

— Изменилась? — Ихань коснулась щеки. — Похорошела?

Циньюэ тихо рассмеялась. Она протянула руку и легонько щёлкнула Ихань по носу:

— Ты стала реже улыбаться. В твоих глазах теперь постоянно сквозит какая-то настороженность, будто ты всех вокруг прощупываешь.

Эти слова попали в самую цель.

В груди Ихань что-то болезненно сжалось. Ей хотелось возразить, но она не нашла слов.

Циньюэ неторопливо вытерла пальцы салфеткой:

— Я знаю, о чём ты хочешь спросить. Группа «Лунсян» действительно предложила контракт моему отцу. Но это его дела. Я, как капризная наследница, не собираюсь забивать себе голову бизнесом. Моё дело — крутиться подле такого нежного и симпатичного босса, как ты.

Только Циньюэ с её острым язычком могла выдать подобное. Ихань почувствовала, как многодневное напряжение наконец отпускает её, а сердце наполняется щемящей нежностью.

— Но... — Циньюэ лукаво прищурилась, — если я соглашусь стать твоим секретарём, как ты меня отблаговаришь?

Ихань шутливо покачала бокалом:

— Ещё работать не начала, а уже торгуешься?

— А как иначе? — в своей привычной властной манере парировала Циньюэ. — Если уж браться за дело, то быть лучшей, самой красивой и незаменимой помощницей во всей компании «Иян».

Ихань рассмеялась. Но стоило ей поднести бокал к губам, как в прихожей раздался резкий звонок в дверь.

Кто мог прийти в такой час?

Она взглянула на часы, её лицо мгновенно посерьёзнело. Но прежде чем она успела подняться, Циньюэ опередила её:

— Сиди, босс. Секретарь сам разберётся с мелкими поручениями.

Дверь распахнулась.

В квартиру ворвался сырой ночной воздух вместе с каплями дождя, принесся с собой едва уловимый, знакомый аромат лимона.

На пороге стояла Цинь Хайяо. Она застыла, потрясённо глядя на Цзян Циньюэ. Циньюэ тоже растерялась.

Во взглядах женщин, скрестивших взоры, мгновенно вспыхнуло невидимое соперничество.

Циньюэ оценивающе окинула гостью взглядом с ног до головы. Хайяо смотрела на неё в ответ, и в этот миг её голову словно пронзила острая, раскалённая игла.

«Ты её не заслуживаешь! Что бы ни было причиной, ты причинила ей слишком много боли. Тебе больше нет места рядом с ней!

Да, у меня нет ни денег, ни власти, мне не сравниться с вами. Но у меня есть жизнь, и я готова отдать её, чтобы уничтожить тебя!

В этой жизни я не смогла её удержать. Но если есть следующая — я сделаю всё, чтобы она полюбила меня! Цинь Хайяо, просто подожди!»

В этот момент за окном гроыхнуло, яркая вспышка молнии озарила небо. Ледяной ветер, казалось, проник Хайяо под самую кожу, лишая возможности дышать и двигаться.

Подошедшая из глубины квартиры Ихань, державшая в руке очищенную креветку, весело спросила:

— Кто там пришёл?

Но стоило ей увидеть Цинь Хайяо, как улыбка мгновенно сошла с её лица, а взгляд стал ледяным.

Цзян Циньюэ перевела взгляд с бледной гостьи на помрачневшую подругу и негромко спросила:

— Кто это?

<http://bllate.org/book/20651/2140786>